

ФЕСТИВАЛЬ

Семь почти, а к причалу толком не прибьешься: на Гран-канале пробка. Не из авто, из лодок: лодка—пожарка—мусорка—катафалк... И синий полицейский катер сиреной будит придремавших на корме вапоретто туристов. Второй день форума-диалога "Россия—Италия: встреча в Венеции". Помимо острой политической начинки, согласно идее Путина—Берлускони, "сближающей две явно симпатизирующие друг другу страны", форум энергично разбавлен культ-коктейлем из альта Башмета, фотографий Свибловой, басов мужского хора "Пересвет"...

Юрия Абрамовича и в Москве-то не поймать, а тут он, едва отыграв минорный квартет Паганини, махнет по Европе. Спешу. Ему — Башмету — скоро предстоит основать русский музфестиваль в Венеции.

...Непросто по узким улочкам пробраться к театру Ла Фениче, знаменитому своими голосами и... пожарами. Истлевал в песок не однажды, оправдывая имя свое: Феникс. Башмет только-только выходит с репетиции. Ей-ей, итальянец.

— Эх, Юрий Абрамович. Вы — черный и в черном, лицо смуглое...

— Много раз на дню туристы пытаются выспросить у меня дорогу: полагают — местный.

— Пойдемте вниз, в кафе? Пока не все столики заняты...

Башмет крутит в руках пачку сигарет, озирается. Хочется. А нельзя. И по закону (запрет на курение в общественных местах), и по совести: театр едва восстановили в прошлом году.

— Что ж, надо мириться, — улыбается он, пряча пачку.

— Не раздражает?

— Ну... Я же — коммуникабельный оптимист (в конечном счете). Раздражаюсь? Да. Но потом всегда жалею. Тем более здесь: Венеция для меня — город максималистичный...

— То есть?

— Ну... если есть какая-то проблема или просто тяжело на душе, то эта тяжесть сначала усугубляется мысленно, потом же... постепенно переходит в нечто мелкое по сравнению с космосом. И делается радостнее. Но долго находиться не могу. Ибо город этот все же депрессивный...

— Неужели? Миллион детей-туристов, все носятся, гомоняют...

Тут мимо нас, качаясь, прошла черным лакированным гребом гондола с шестью восторженными японцами на борту. Почему-то на это удовольствие в 100 евро за полчаса клюют только они.

— И все-таки депрессивный. Медленно умирающий. Нет, приехать-поглазеть — счастье! Одновременно ощутить себя в нашем веке и лет на 300 вглубь!.. Ведь уму непостижимо, как они всё это строили. Я уж более десятка раз здесь был, успел добраться до всех островков, за исключением...

— ...острова мертвых?

— Туда не доплыл.

— Пару дней назад, еще в Москве, посол Италии в РФ в приватной беседе предложил вам организовать в Венеции музыкальный фестиваль. А то — как так? Карнавал есть, биеннале есть, а музыка...

— Идея прелюбопытная. Я первым делом выбрал бы время, как сейчас, — чтобы народу не так много было... А то по головам ведь ходят. И тем-то и хорош нынешний форум "Россия—Италия", что никому не придется объяснять, почему я буду приглашать на фестиваль Третьякова, Гутмана, Плетнева, то есть — русских. А потом уж площадки можно подобрать...

— На острове-кладбище не хотите сыграть? Дягилев, Стравинский, Бродский...

— Странная мысль. Никогда не пробовал. Полюбопытствую, какой там антураж.

...Тут на площади перед Gran Teatro La Fenice появился г-н Ястржембский, сопредседатель форума (и он же — если кратко — советник Путина по отношениям с Евросоюзом). Спрашиваю, пока он общается с Башметом:

— Что же: идея с фестивалем — пока шутка или?..

— Идея есть. Уже хорошо. Если на это будет спрос, появится и фестиваль.

Теперь — к Башмету:

— Спрос есть: вон в каждом ресторанчике, на каждой площади — свои миленькие оркестры...

— Так было не всегда. Я, например, их впервые вижу в такой массе. Неплохо играют. Для ресторана. Интересно, откуда они? Вряд ли наши...

— Ха... Выпускники Московской консерватории?

— Почему нет? А вы думаете: откуда они берутся? Однажды встретил своего ученика знаете где? В Ницце. Иду себе, иду, а он стоит вместе с женой, играет. Я, чтобы их не смущать, остался незамеченным. Что вам сказать? Нормально это. У каждого по-своему развивается жизнь. Жить здесь — все равно как выходить без скафандра в открытый космос. Надо бороться, чтобы получить какое-нибудь место.

— А между тем — ни одного свободного столика. Ибо в театр — откровенный лом. А все почему? Из-за одной афишки: Solisti di Mosca. И совсем мелко: Bashmet, viola.

— Ладно, постойм: прекрасное место. Ведь я еще в старом Фениче играл — том, до пожара. А сегодня вышел — боже! Все сверкает! Даже лучше, чем было.

— Кстати, жену с собой взяли?

УДАРИМ БАШМЕТОМ ПО БЕЗДОРОЖЬЮ! ...Венецианскому

Италия
стала
ближе.
На длину
смычка.
И широту
души

емся в Москве. В этот же день!" Позвонил менеджеру в Финляндию, извинился. Он обиделся, конечно. Но я сказал: "Это вопрос принципиальный, ты меня прости..." Он был антисоветчиком.

— А вы?

— Ну не был. Ни советчиком, ни антисоветчиком. И улетел в Москву, на дачу, на Николину Гору. Через несколько дней в Госконцерте начался небывалый шум: все подумали, что я, сорвав Финляндию, остался во Франции! Зато после жену вызвали в министерство и автоматически вставили в список выездных.

— Уехать совсем не хотелось?

— Нет. Никогда не собирался. А ведь было время, когда музыканты всюду уезжали из России, кстати, повывозив с собой инструменты, которых тогда — ни достать, ни купить...

...Каждую минуту Башмета друг-другой соблазняет вкусить, но у музыканта голова болит нестерпимо: черта Венеции — все эти перепады давления...

— Недавно у Спивакова спрашивал: не сочиняют в России "крупной формы" в музыке...

А это движитель.

— Точно. Композитор — первая движущая сила. И даже прогресс в развитии музыкальных инструментов зависит от нового произведения...

Взять, скажем, Виолончельный концерт Шостаковича. Тот же Ростропович неоднократно мне говорил: надо найти новую модель смычка для этого концерта. А существующий смычок лишь мешает исполнителю... Но для того, чтобы композиторы писали крупные произведения, требуется некая мощная организация, которая в какой-то степени заменила бы закупочную комиссию Министерства культуры времен Тихона Хренникова-председателя...

— Сколько тогда стоила симфония?

— 3—4 тысячи рублей. Комиссия закажет, прослушает, оплатит. Я бы — как худрук крупного симфонического оркестра "Новая Россия" — только мечтал сделать заказ на симфонию.

— Кстати, оркестранты из "Новой России" и из "Солистов Москвы" друг друга не ревнуют?

— Наверное, есть такое. Но я стараюсь...

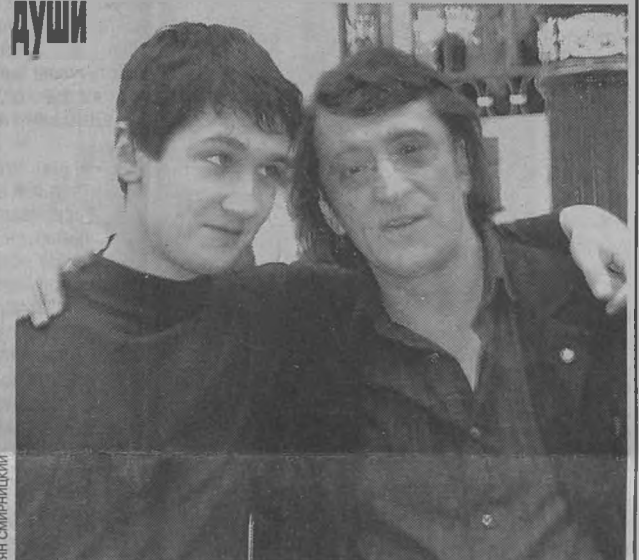
— А кто главнее? "Солисты"? Они — любимые?

— Не могу так сказать. Знаете, как для мамы: первый сын — всегда первый, но ведь часто любимым становится второй... Ведь и там, и там — Я. И они — и там, и там — Мои. Вот это важно.

— Хорошо. Возьмем "Виртуозов Москвы". Они — "Виртуозы", как сказал Бэлза, "стали брендом". Стали ли брендом "Солисты"? Возможны ли они без Башмета на афише?

— Очень непростой вопрос... Могу так сказать: вот этот последний, молодой состав "Солистов"

▲ Башмет с сыном на площади Ла Фениче.

— Только сына. Взять жену... Это не так легко. На охоту охотники не ходят с женами. Каждый день — переезды, чемоданы... Ответственность за каждое сказанное слово, нерв ненужный.

— Было время, когда жен вообще не выпускали.

— Помню, как же. В Минкульте существовал список где-то из 50 фамилий — тех Великих, которые имели право на выезд "целиком". Потом негласно разрешили и остальным, но надо было писать заявление. Коган пошел и написал: "В связи с тем, что у меня плохое состояние здоровья и нужно придерживаться режима, прошу в виде исключения выехать с женой". Ему разрешили. Коган рассказал Ойстраху. Ойстрах пишет: "В связи с тем, что у меня большая печень и сердце и нужна диета, прошу разрешить..." И ему разрешили.

Дошла очередь до Ростроповича. Он: "В связи с тем, что я совершенно здоров, прошу разрешить выезд с женой!" Смеялись. И разрешили.

— Вы делали попытку?

— Познакомился в Италии с господином-товарищем Ивановым, главным по "внешним сношениям". Он спросил: "А что ж вы ко мне не заходите? Неужели проблем нет?" Тогда я, уже будучи в Москве, к нему отправился. Попросить за жену, чтобы пустили. Он пообещал, но... "протянул". Было так. Я ехал на гастроли в Финляндию. Но из Франции. На Францию жена не успевала, поэтому стали оформлять документы на Финляндию. Я говорю: "В пять часов встречаемся: выйдешь из вагона и стой на месте". Узнаю, куда прибудет поезд... Договорились. Вдруг меня будят ночью. Она вся в слезах: "У меня нет разрешения на выезд из СССР". Отвечаю: "Ладно. Тогда встреча-

был дважды номинирован на "Грэмми". Знаете, что такое номинация на "Грэмми"? Это абсолютная победа в своем жанре. Другое дело — вручается премия или нет. Потому что дальше происходит конкурс между жанрами. Нет, "Солисты" — это бренд. Словами Бэлзы. Я очень горжусь тем, в кого они сумели вырасти. Другое дело, очень жаль, когда ради создания новых разрушаются старые оркестры. Традиции держатся на людях. Ведь там-то они сыграны, у них свое, особое отношение к звуку. Когда РНО создавался — из филармонии в него побежали люди... Шикарный оркестр получился у Плетнева. Но в тот момент судьбы в щелки летели. И потом эта история имела продолжение...

...Все, кто только может, уже машут руками: пора Башмета отпускать, хотя он не прочь поговорить о серьезном, а не только принимать приглашения за столики. Концерт в Ла Фениче и так задерживают на полчаса...

Ян Смирницкий,
Венеция—Москва.